

ВЫЗЫВАНИЕ ДОМОВОГО В ДЕТСКОЙ ИГРОВОЙ ТРАДИЦИИ КОМИ

Алексей Рассыхаев

rassyhaev@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается уникальная для традиционной духовной культуры коми детская игра в вызывание домового. Приведены новые аутентичные тексты, а также ранее не привлекавшиеся архивные материалы. Их анализ позволяет расширить границы распространения забавы. Судя по новым источникам, она бытовала не только у коми бассейна р. Вычегда (с притоками Вишера, Вымь и Сысола), но и у северных коми-пермяков в косинской традиции. Игры схожи по сценарию и направлены на установку контакта с невидимым обитателем подполья и проверку его существования. Наибольшая вариативность проявляется в наименованиях демонима, поэтических обращениях к нему и характеристике. В образе и терминологии «игрового» домового отражаются мифологические представления, схожие с «фольклором взрослых», однако обращения к вызываемому персонажу часто приобретают черты «детскости» – уменьшительно-ласкательные суффиксы, приём редупликации, личные имена. С точки зрения коллективного испытания чувства страха игра близка к магически-игровым вызываниям персонажей неомифотворчества (Пиковой Дамы, Гномика, Чертей и т. д.), распространённым среди современных школьников, в т. ч. и коми.

Ключевые слова: фольклор коми, коми-пермяцкий фольклор, детская игра, мифология, игровая терминология, домового

Введение

Специфической для народной культуры коми является детская игра в вызывание домового из голбца. В научной литературе за ней закрепилось два названия: Юрий Рочев условно называет игру *гӧбӧч айка* ‘дух голбца’ (исследователь переводит название как «хозяин подполья») (Рочев 1972: 135; Рочев 1979: 219), Дмитрий Несанелис – *гӧрд гача* (букв. ‘в красных штанах’) (Несанелис 1994: 95).

Игра была предметом отдельного исследования Д. Несанелиса, рассмотревшего её в этносемиотическом ракурсе в статье «Старинная игра детей коми “гӧрд гача”: опыт семантического анализа» (Несанелис 1989). Автор анализирует значимые черты персонажа, вызываемого детьми из подполья, такие как сравниваемая с глиной мягкотелость, негативно воспринимаемая красная окраска его тела и одежды (штанов), пестрота, которые, по мнению исследователя, позволяют сблизить его с мифологическим «первочеловеком». В ходе игры дети актуализируют представления о пространственной оппозиции низа и верха (домовой в подполье), противопоставлении чужого и своего, мира предков и мира живых, хаоса и космоса. Соглашаясь со многими позициями исследования, тем не менее, попытаемся обратить внимание на факты, до сих пор не затронутые. Также, приведём аутентичные тексты, записанные в последние десятилетия, и расширим географию распространения данной игры.

Описание игры

С точки зрения типологии, игру можно назвать забавой или игрой-импровизацией, т. к. она проходит без специальных правил, по которым строится большинство игр выбора водящего, наказания проигравшего игрока и пр.

Первое известное описание этой игры было сделано в конце XIX в. учеником Вологодской духовной семинарии Леонидом Каплиным, зафиксировавшим бытование игры в верхневычегодском с. Деревянск:

Собираются в один дом несколько парней, закрывают окна, чтобы было темно. Все садятся на лавки и поднимают ноги, чтобы косой или серпом не отсек их домовый. Двери голбца отворяют настежь. Один парень стоит у входа на стуле с клюкой и говорит, ударяя клюкою о стул: «*Суседушка-братушка, пет же, пет же и видлы мянльсь сов, ва, няньсö* ‘Суседушка-братушка, выходи же, выходи же и попробуй нашу воду, хлеб и соль’». В это время по половишникам прокатывается домовый в виде куриного яйца. Немного подождавши, открывают сразу окна и все бегут смотреть, домовый или нет. Если бросить в яйцо (домового) поленом, то посыпется очень много золота и серебра¹ (Каплин 1898: 4).

Л. Каплин в своей работе приводит и другое наименование домового – *виж кок* ‘жёлтая нога’, зафиксированное в дер. Весляна (коми *Весыва*) на р. Вымь (ныне – Княжпогостский р-н). В начале игры дети закрывали окна, а перед входом в голбец втыкали нож (Каплин 1898: 16).

Второе по хронологии описание игры принадлежит студентке Коми пединститута А. Е. Агафоновой, записавшей в 1935 г. в Сыктывкаре игру под названием *орт петкõдõм* ‘вынос души-орт’². Дети занавешивали окна, к дверям голбца выкладывали воду и хлеб и все вместе обращались к домовому:

<i>Гõбõч улысь пачсай айка,</i>	Из-под голбца запечный дух,
<i>Петав жõ, петав,</i>	Выйди же, выйди,
<i>Вья няньõн вердам,</i>	Хлебом с маслом накормим,
<i>Пань тыр ваõн юкталам.</i> ³	Ложкой воды напоим!

В комментарии к игре отмечено, что, вызывая домового, игроки порой теряли от страха сознание.

Из иных описаний игры известно, что она проходит летом (в сенокосную страду) в отсутствие взрослых. Закрыв окна в доме и положив у входа в голбец хлеб с солью и воду, дети берут в руки кочергу и залезают на печку, с которой вызывают «суседушку-братанушку»⁴ (Образцы 1971: 72–73). В других вариантах игры дети поднимаются на полати, сундуки, лавочки, в руки берут ножницы, нож, палку, пест или ухват:

*Тупкалам õшиньяс, укват
босьтам, да уквата мор-
тис каяс лабиче, а мукедiс
ворсэни джоджин. Ставнис
щувалэни:*

*Пи-ни тойин, петалли,
Ива Шорлэн нянис кылэ,
Поплэн нянис сотче!*

*Õшиньтэ костэдиштасны
и югидiс югдэдаc, сэк горедам:
«пи-ни тойин петэ!» Эсся
ставен пышъям, полам да.⁵*

Закроем окна, возьмём ухват,
и человек с ухватом встанет
на лавочку, а остальные
играют на полу. Все говорят:
*Пи-ни*⁶ пест, выйди-ка,
*У Ива Шора*⁷ хлебом пахнет,
У попа хлеб горит!

Окно <занавеску> приоткро-
ют, и луч осветит, тогда крик-
нем: «*пи-ни* пест выходит!»
Потом все убежим, потому
что боимся.

В некоторых вариантах игры один из участников (старший по возрасту и опытней) предварительно заходит в голбец, из которого выходит после исполнения приговорки. В нашем рас-
поряжении имеется более 20 описаний данной игры, сценарий
которых практически не отличается от вышеприведённых.

Распространение игры

Согласно публикациям Ю. Рочева и Д. Несанелиса, география бытования игры в вызывание домового из голбца ограничивается тремя районами Республики Коми – Усть-Вымским, Усть-Куломским и Сыктывдинским. Анализ архивных источников и экспедиционные исследования позволили расширить границы распространения игры по р. Вычегда (коми *Эжва*) (с притоками Вишера (*Висер*), Вымь (*Емва*) и Сысола (*Сыктыв*)), где она была зафиксирована в следующих населённых пунктах: дер. Весляна Княжпогостского р-на; с. Усть-Вымь (*Емдин*) Усть-Вымского р-на; сёлах Озёл и Пажга (*Паджга*) Сыктывдинского р-на; г. Сыктывкаре; сёлах Куратово (*Куратов*) и Межадор Сысольского р-на; сёлах Большелуг (*Биджыдвидз*), Важкуръя (*Важкуа*) и Нившера (*Одыб*) Корткеросского р-на; сёлах Аныб, Деревянск (*Дереванной*), Дон, Керчомья, Нижний Воч (*Улыс Воч*), Пожег (*Пожёг*), Помоздино (*Помёсдин*), Усть-Кулом (*Кулёмдин*) Усть-Куломского р-на.

Кроме этого, во время проведения экспедиционных исследований у коми-пермяков, проживающих в Коми-Пермяцком округе Пермского края, в 2011 г. автором данной работы была зафиксирована аналогичная игра в деревнях Чураки и Пуксиб Косинского района⁸. Приведём описание одного из вариантов игры в «Суседушко» (*суседушкоысь орслыллім*), записанное в дер. Чураки:

*Няньыс эм дак, картока-
торрез да няньторрез пук-
тан, крöшитан бекөрö да,
джоджуллэз вöллисö, осьтан
да, сiя джоджулсö осьтан,
сэтчин мыйкö вылас, пук-
тан лабич вылас, и босьтан
увкат ли заступ ли и сiйöн
керку гөгöрат [нрзб]:*

Суседушко-вартанушко!

Хлебушко да соль,

Ми тэд пуктiм.

Миянлы бурджыка кер!

Сiя еишö слышитан дак.

Сiя кыскан – дак сэтшöм

чöскыд! Сусеткуыс сiя сэтчö

солалас сэсся. Öддöн сiйöн

мырддысям да сёям. [...]

*А кор няньыс вöли, сэки и ор-
сам, кор окота сёйны⁹.*

Если хлеб есть, картошку
и хлеб положишь, покро-
шишь в тарелку, раньше
[в домах] были подполья,
откроешь, подполье открое-
ешь, и туда на лавочку поста-
вишь, и возьмёшь ухват или
заступ, и им по всему дому
[ударяешь]:

Суседушко-вартанушко!

Хлебушко да соль,

Мы тебе положили.

Нам получше сделай!

Ещё посолишь <хлеб>. Его
достанешь – так такой вку-
сный! Сусетку этот там по-
солит. Потом снимаем друг
у друга, и едим. [...] А когда
хлеб был, тогда и играем,
когда охота поесть.

Бытование подобной игры у коми-пермяков отмечено впервые. Факт записи у коми-пермяков расширяет ареал распространения детской игры в вызывание домового и позволяет говорить о возможном существовании контактной зоны в районе Верхней Вычегды и Верхней Камы. Косинский р-н Пермского края в северной части граничит с южными населёнными пунктами Усть-Куломского р-на Республики Коми, в которых анализируемая игра, судя по собранным материалам, получает наибольшее развитие.

Терминология

Рассматриваемая игра известна под различными названиями, основным отличительным элементом которых является наименование вызываемого домового. Имя мифологического персонажа фигурирует преимущественно в поэтических обращениях к нему. В игровых приговорах некоторые из наименований образованы от русских слов – демонимов *дед* и *суседко* с присоединением уменьшительно-ласкательных суффиксов и зарифмованных парным словом: *суседушка-братанушко* (с. Деревянск), *соседушко-воседушко* (с. Аныб), *дедушка-бедушка* (с. Усть-Кулом), *дедö-бедö*, *дедушко-бедушко* (с. Большелуг), *дедушко* (с. Пажга). В этом же ряду следует рассматривать семантически дублированное *дедö-пöльö* (*пöльö* ‘отец отца, дедушка’) (сёла Куратово и Межадор). Стоит отметить, что обращения *суседушко* и *дед* также используются в различных приговорах, применяемых в скотоводческой обрядности коми.

В верхневыхегодских вариантах зафиксированы названия, вторая часть которых представлена словом *тоин* ‘пест’. Первая же часть иногда озаумлена, однако с некоторой долей вероятности ее можно этимологизировать: *пипу тоин* ‘осиновый пест’ (сёла Пожег, Нижний Воч, Помоздино); *пи-пи тойин* (Пожег, Важкуръя), *пи-пи* – произошла десемантизация слова *пипу*; *припетоин* (Керчомъя), *припе* – десемантизация исходного *пипу*. Не исключено, что раньше материалом для изготовления песта служила осина, что и отразилось в игровом наименовании домового. Примечательно, что, по словам одного из информантов, *пест* ‘тоин’ используется в качестве игрового атрибута:

*Сыа гöлбöчтö йигналан
вöли. Сэсся занавесалан
öшиньяснымöс. Сэсся челядь
чукарыд босьтан мыйкö,
этйа гырйын тойин выйим,
да кералан:*

*Припетоин, пет жö, пет,
Сера кычи, эн жö пет!*¹⁰

Голбец запирали. Потом занавешивали окна. Потом дети брали, в этой ступе есть пест, и ударяли им:

*Припе пест, выйди же,
выйди,
Пёстрый щенок, уж не
выйди!*

В ряде названий дана окраска и характеристика вызываемого из голбца персонажа: *шыра-каня*, *матушка* ‘мышь с кошкой, матушка’ (с. Дон), *кос петук* ‘сухой петушок’ (с. Озёл), *виж кок* ‘жёлтая нога’ (дер. Весляна), *гёрд косаа* ‘с красной косой’, *гёрд гача* ‘красноштаннный’, *гёббч айка* ‘дух голбца’ (г. Сыктывкар).

В некоторых случаях домового получает человеческое имя, которым пугают непослушных детей: *чурка Микипер* ‘незаконнорождённый Никифор’ (с. Нижний Воч), *чилля Ёгор* ‘Егор с пенисом’ (с. Помоздино).

В коми-пермяцких вариантах игры к домовому обращаются как к *суседушко-вартанушко* (дер. Чураки) или *сюсю-баба* (дер. Пуксиб). Возможно, редупликат *вартанушко* происходит от *вартан* – молотильный цеп; то, чем ударяют во время вызывания домового, создавая шумовой эффект; или от *братанушко* (ср. зафиксированный в с. Деревянск демоним *суседушка-братанушко*). Можно предположить, что *сюсю* есть усечённая основа слов *суседушко* или *сусетку*, которым называют мифологического персонажа в косинской фольклорной традиции. Примечателен ответ информанта на вопрос «А кто такой Сюсю-баба?» – «А сусеткуыс! Сусетку сия. А мый нё, орсіканым бара Сюсю-бабаён шуам» ‘А сусетку. Сусетку это. А в игре его называем Сюсю-баба’¹¹.

Между тем, в игровых обращениях не встречаются следующие наименования персонажа, распространённые в фольклорных традициях, в которых бытовала игра в вызывание домового: *бубыля* (г. Сыктывкар), *бубиля* (села Деревянск, Керчомъя)¹², *бубуля* (г. Сыктывкар), *бубуня* (Средняя Сысола), *буба* (с. Богородск) (ССКЗД 1961: 28); *олыся*, *олися*, *олысь* ‘живущий; житель’ (ССКЗД 1961: 259); *керка видзысь* ‘дом охраняющий’.

Рассмотрев наименования домового, используемые в играх, можно предположить, что запрет на прямое название мифологического персонажа связан с ослаблением детского страха перед неизведанным и необъяснимым, созданием ситуации, максимально благоприятной для контакта с потусторонними силами.

Мифологические мотивы игры

В игре вызывания домового содержится ряд архаических представлений, о чём уже было отмечено ранее (см. Несанелис 1989). Тем не менее, в рамках данной работы мы укажем на иные мифологические мотивы, связанные с традициями коми. Для установления благоприятных условий контактирования с духом подполья игроками вносятся изменения в помещении: в крестьянской избе занавешивают окна, создавая полумрак как наиболее подходящую обстановку для встречи с потусторонними силами:

*Öшиньяссö тупкалам,
асьнiм пöлате каям. Кодi
бедь босьтас, кодi пурт,
кокалюкаяс, ся горзам:
Кос петук, пет, пет!*¹³

Окна закроем, сами на
полати поднимемся. Кто
палку возьмёт, кто – нож,
кочергу, потом кричим:
Сухой / Худой петух, выходи,
выходи!

Дети вносят в игровой процесс деструктивные моменты, характерные для иных ритуальных и переходных календарных и жизненных ситуаций: переворачивают иконы в божнице, как и во время гаданий (Семенов 1991: 65); выворачивают наизнанку шубу или одевают одежду похуже, подобно святочным ряженым (Несанелис 1994: 56):

*Вöлы öшиньяс тупкаласны,
ен гугöдасны да
гугапасясыны, да кодкö
пырас гöбöчö, да вöлы
щусалам:
Дедушко-бедушко, петов тэ,
петов!*¹⁴

Окна занавешивали,
иконы переворачивали да
надевали шубу наизнанку,
и кто-то зайдёт в голбец,
и мы говорили:
Дедушко-бедушко, выходи
же, выходи!

Для установления контакта с домовым подключается также звуковой код – игроки ударяют пестом, кочергой, ухватом, палкой или веретеном по полу, дверям голбца, клацают ножницами и бегают на кочерге по полу:

*Сувталасны, öтик босьтас
коколюка кок вож костас
котравны джодж кузяыс:*

Чилля Ёгор, петаллы,

Чилля Ёгор, петаллы!

*И сійö ноксигкосттыыс
чöвтасны гöббчас
коколюкасö и ставыс
котöртасны – каясны
паччöрас.¹⁵*

Встанут, один возьмёт
промеж ног кочергу и будет
бегать по полу:

Чилля Ёгор, выйди-ка!

Чилля Ёгор, выйди-ка!

И во время беготни
забросят кочергу в голбец
и все побегут – поднимутся
на лежанку печи.

Приглашение домового отведать приготовленную еду (вода – пресная и соленая, соль, хлеб с маслом, картошка) вполне сопоставима с актом кормления «родителей» (умерших предков) по утрам в доме или в поминальные дни на кладбище. Кроме обращения к домовому выйти из подполья и просьбы попробовать пищу (в одном тексте – скосить траву на пастбище), в некоторых игровых приговорках звучат условия и угрозы в адрес духа голбца за неподчинение требованиям играющих:

*Суседушка-братанушка,
Чечыв жö, чечыв!*

Суседушка-братанушка,

Петав жö, петав!

Он кө петав,

*Кöрт коколен клёнодам,
клёнодам.*

Петалан кө,

*Мича паньöн паньöдам,
паньöдам,*

*Вый паньöн паньöдам,
паньöдам.¹⁶*

Суседушка-братанушка,

Встань же, встань!

Суседушка-братанушка,

Выйди же, выйди!

Если не выйдешь,

Железной клюкой поколотим,
поколотим.

Если выйдешь,

Красивой ложкой накормим,
накормим,

Ложкой масла накормим,
накормим.

Вызывание домового из голбца сопровождается коллективным переживанием страха, проверкой наличия локуса нижнего мира и его обитателя:

Эся ставным ланьтлам. Видзёдам – эз на пет, оз пет. Куимысь кымын сылам. Сэся кодкё и öти горёдас – петіс пё. Сэся сія и повзьясыс дзёлясыд. Господи! О-о-й, сэся сія ставыс кутан дзебсьыны. «Ой-ой, петіс, ой-ой, петіс». Öти юалё: «Кутшем?» Дзёлясыд: «Кутшем?» – «Югыд синма!» – «Сюра абу?» Да öд колё жё вöлі челядьсö повзёдлыны тайён!¹⁷

Потом все замолкнем. Смотрим – ещё не вышел, не выходит. Трижды примерно споём. Потом кто-то один и крикнет – вышел, мол. Потом и малыши испугаются. Господи! Ой, потом все начинают прятаться. «Ой-ой, вышел, ой-ой, вышел». Один спрашивает: «Какой?» Малыши: «Какой?» – «С блестящими глазами!» – «С рогами?» Да ведь нужно же было детей пугать этим!

По мнению Д. Несанелиса, «в локализации домового (подполье) и играющих детей (полати) отчётливо отразились представления о пространственной оппозиции низа и верха. Если у взрослых представления о вертикальной структуре жилища раскрывались, главным образом, в строительной обрядности, то у детей они актуализировались в ходе игры» (Несанелис 1994: 104–105). Таким образом, в игровой форме дети усваивают основы вертикального и горизонтального членения пространства.

В процессе игры дети, с одной стороны, заигрывают с домовым, вызывая из голбца, а с другой – остерегаются встречи с ним. Подобное поведение характерно для игровых ситуаций, когда участники игры дразнят, одурачивают, вводят в заблуждение водящего, наделённого чертами мифологических персонажей (одноногость, слепота, способность к обездвижению, перемещение вихрем), и в то же время боятся быть пойманными им (Рассыхаев 2014: 108–109).

В игровых приговорках содержится имя демони́ма и его основные характеристики и атрибуты – в красных штанах, с косой, блестящими глазами, пестрота. К примеру, в керчомских вариантах приговорки (верхневьчегодская традиция) играющие запрещают выходить пёстро́му щенку *се́ра кычи* из голбца. Нам представляется, что в этом случае данное домашнее животное является одним из ипостасей самого мифологического персонажа. В русском фольклоре домовый также иногда показывается людям в образе собаки. В качестве примера можно привести текст из соседней с коми русской традиции: «*(Какой он из себя?) Она [бабушка-нянька] говорила, что вот, блестит, как собака такая. А где, какая она? Мы не видали*». ¹⁸

Несомненно, в игровом образе домового переплелись как мифологические практики взрослых, так и детские суждения о невидимом духе. Можно предположить, что представления детей о персонаже низшей мифологии основываются также на традиционных запугиваниях домовым. Подобные запугивания имеют воспитательную направленность и призваны уберечь детей от травм, которые можно получить, упав в подполье. Голбец был не только местом хранения продуктов питания (хлеба, выпечки, картошки и т. п.), но и местом повышенной опасности для малышей.

В некоторых традициях вызывание духа подполья трансформировалось в запугивание детей. Информант из с. Большелуг вспомнила детские годы, когда однажды зимним днём их внезапно пригласили в соседний дом вызывать *дедö-бедö* и попросили подняться на полаты. После окликания из подполья вышло чудовище в лохмотьях, шапке и с бородой, наводившее страх на всех ребят. Спустя некоторое время дети узнали в чудовище соседскую девушку. Они считали, что если домовый поймаёт детей, то они навсегда заснут. ¹⁹

Игра в вызывание домового была вытеснена из игрового репертуара в послевоенные годы, но окончательное забвение игры у коми произошло в 1970-х гг. Следующая стадия бытования детской забавы в вызывание домового – переход в игру по правилам. В нынешнее время рассказывают лишь истории о том, как играли в эту игру раньше. К примеру, студентка

Сыктывкарского государственного университета следующим образом описывает игру со слов своей бабушки (*ыджыд мам*):

*Ная челядь чукөр чукөрт-часны керкаас, кодлөн ыджыдъясыс абусь. Сэсся занавесьяссё ставсё вешталасны, мед пемыд вёлі керкаас. Эсся кутшюмкё мортёс, но тоже пудьясыны, оти мортёс пасьтёдасны гёна пасьён, и пырас сійё гёббчё. Эсся гёббчсё сиптасны. Сэсся сэн мыйкё шаманитасны, ог тёд, мыйкё шуаласны, шуаласны. И сійё кор петё, сійё, сэн жё ичёт челядь тшётш ворсёны, ичёт челядьыс пё зэв ёна вёлі бёрдёны и котралёны керка пасьталаас. И этия, кодёс пё суас, сійёс пё вёлі гёббчас и пыртас. Чукөртё отикан. Сэсся коді кольё, сэсся сійё гёна пасьнас пасьтасьё.*²⁰

Они, детвора, соберутся в доме того, у кого взрослых нет [дома]. Потом все занавески задвинут, чтобы темно было в доме. Потом одного человека, тоже жребий бросят, одного человека в мохнатую шубу оденут, и он зайдёт в голбец. Потом голбец закроют. Потом там что-то пошаманят, не знаю, что-то приговаривают. И когда он выходит, с ними маленькие детки тоже играют, и, мол, малыши очень сильно плакали и бегали по дому. И это, мол, кого догонит, того и в голбец заведёт. Собирает по одному. Потом кто останется, тот и наденет мохнатую шубу.

С точки зрения коллективного испытания чувства страха, рассматриваемая игра близка с магически-игровыми вызываниями персонажей неомифотворчества (Пиковой Дамы, Гномика, Чертей и т. д.), распространёнными среди современных школьников, в т. ч. коми. Для участников «ритуала», также происходящего в темноте и без присутствия взрослых, важно установить через зеркало связь со сверхъестественными существами и обнаружить следы их присутствия в помещении (Новицкая & Райкова 2002: 44). От вызываний домового в коми традиции они отличаются загадыванием желания, своеобразным гипнотическим сеансом, заканчивающимся разбиванием зеркала или захоронением.

Игровая приговорка

В каждом описании игры присутствует вербальное сопровождение, состоящее из поэтического обращения к домовому и призывов к нему: выйти к играющим, отведать пищу – хлеб с маслом или солью, воду.

Несмотря на то, что в некоторых описаниях игры информанты используют лексику, указывающую на коллективное пение этих строк (*челядь артельён сылӧны* ‘дети хором поют’; *а сылам тайӧ* ‘а поём вот это’; *пондам сыны челядь чукар* ‘мы, ватага детей, начинаем петь’), в комментариях чаще речь идёт о проговаривании: *ставніс шувалэні* ‘все говорят’, *дедушкоӧс корим* ‘дедушко позвали’, *челядьдырйи шулім* ‘в детстве говорили’, *войдӧр вӧлі чуксалласны* ‘раньше вызывали’, *ся горзам* ‘потом орём’. Причем один и тот же информант может употреблять лексику, указывающую на проговаривание и пение:

*Сэся тай кутан шуны:
Суседушка-вӧседушка,
Чилье-чилье, петав, петав!
[...] Тая вӧлі сыланкывгясыд,
век вӧлі сылӧны.²¹*

Потом начнёшь говорить:
Суседушка-воседушка,
Чилье-чилье, выйди, выйди!
[...] Вот эти были песни,
всегда пели.

Неопределённость с манерой исполнения текстов подтверждают мысль Александра Белоусова об отсутствии в народной культуре чёткого разграничения между игровыми припевками и игровыми приговорками и диффузии текстов: «один и тот же текст может существовать как в виде “припевки”, так и в виде “стишка” / “приговорки» (Белоусов 1989: 12).

Выводы

Анализ приведённых в работе описаний игр в вызывание домового в коми традиции позволяет расширить границы бытования забавы. Она была распространена не только у коми бассейна Вычегды (с притоками Вишера, Вымь и Сысола), но и у северных коми-пермяков в косинской традиции. Игра является уникальной, не имеющей аналогов в традициях других народов. В образе и терминологии «игрового» домового отражаются представления, схожие с «фольклором взрослых», однако обращения часто приобретают «детскость» (уменьшительно-ласкательные суффиксы, приём редупликации, личные имена). В игровой форме дети актуализируют многие онтологические представления о природе страха, сущности мифологического персонажа, бинарной оппозиции свой–чужой, вертикальной структуре пространства.

Сокращения

НА Коми НЦ – Научный архив Коми научного центра УрО РАН

НМРК – Национальный музей Республики Коми

ПМА – полевые материалы автора

ФА СыктГУ – Фольклорный архив Сыктывкарского государственного университета

Примечания

- ¹ Любопытно, что в «игре» вместо детей участвуют парни, а мифологические представления о домовом, приносящем золото или серебро, находят устойчивые параллели в суеверной русской прозе. К примеру, в пос. Нючпас Койгородского р-на Республики Коми от потомков русских, переселившихся из Вологодской, Вятской и Костромской губерний, записано поверье о том, что если задеть домового, то посыпется серебро или золото (Лобанова & Низовцева & Рассыхаев 2011: 27, 41):
Вот у нас Шевелиха бабушка была. Она нас настраивает – мы этот, боимся выйти. “Ой, говорит, сейчас вот придёт этот, какой-то, говорит, вышел ... (Как она и говорила...?) домового, да его заденешь да, говорит, посыплется золото”. Мы ищем, ходим везде. Ни у кого нету домового, нигде. (Зап. А. Н. Рассыхаев 04.06.2011 г. в пос. Нючпас Койгородского р-на РК от Галины Николаевны Михайловой, 1928 г. р. (ПМА))
- ² *Орт* – мифологический дух-двойник человека (Рочев 1985).
- ³ Зап. А. Е. Агафонова в 1935 г. в Сыктывкаре (НМРК: КП-12484. Л. 157 об.).
- ⁴ Зап. Е. С. Гуляев в 1963 г. в с. Деревянск Усть-Куломского р-на.
- ⁵ Зап. М. А. Сахарова 26.03.1963 г. в с. Пожег Усть-Куломского р-на от Парасковьи Павловны Лужиковой (НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 227. Л. 204).
- ⁶ *Пи-пи* – возможно, произошла десемантизация слова *питу* ‘осина’.
- ⁷ *Ива Шор* – в данном контексте может означать прозвище односельчанина.
- ⁸ За консультацию по коми-пермяцкой диалектологии выражаю искреннюю благодарность научному сотруднику ИЯЛИ Коми НЦ Елене Николаевне Федосеевой.
- ⁹ Зап. А. Н. Рассыхаев 16.07.2011 г. в дер. Чураки Косинского р-на КПО Пермского края от Веры Васильевны Федосеевой, 1928 г. р., уроженки дер. Чураки (ПМА).
- ¹⁰ Зап. Ю. Г. Рочев в июне 1977 г. в с. Керчомья Усть-Куломского р-на от Э. Ф. Тарабукиной, 1930 г. р. (НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 218 а. Л. 191. № 80. Л. 191).

- ¹¹ Зап. А. Н. Рассыхаев 17.07.2011 г. в дер. Пуксиб Косинского р-на КПО Пермского края от Неонилы Семеновны Федосеевой, 1932 г. р., уроженки дер. Пуксиб (ПМА).
- ¹² Исключение составляет одно описание игры из с. Керчомья Усть-Куломского р-на: домового вызывают со словами *Сера бубыль, пет, пет, пет!* 'Пестрая бубыля, выходи, выходи!' (ЭД 1999: № 98).
- ¹³ Зап. Н. И. Лоскутова & Г. Г. Бараксанов 08.12.1965 г. в с. Озел Сыктывдинского р-на от Калисы Ивановны Лыткиной, 1898 г. р. (НА Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 264. Л. 131).
- ¹⁴ Зап. в 1995 г. в дер. Мале Пожегодского с/с Усть-Куломского р-на от Николая Степановича Мартюшева, 1938 г. р. (ФА СыктГУ: 1213-3).
- ¹⁵ Зап. в с. Помоздино Усть-Куломского р-на от Поликсении Васильевны Игнатовой, 1921 г. р. (ФА СыктГУ 1214-19).
- ¹⁶ Зап. Ю. Г. Рочев в июне 1977 г. в с. Деревянск Усть-Куломского р-на от И. А. Гуляевой, 1910 г. р. (НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 218 а. Л. 212. № 88).
- ¹⁷ Зап. Ю. Г. Рочев в июне 1977 г. в с. Деревянск Усть-Куломского р-на от И. А. Гуляевой, 1910 г. р. (НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 218 а. Л. 212-213. № 88).
- ¹⁸ Зап. А. Н. Рассыхаев 04.06.2011 в пос. Нючпас Койгородского р-на РК от Галины Николаевны Михайловой, 1928 г. р. (ПМА).
- ¹⁹ Зап. А. Н. Рассыхаев 16.06.2015 в с. Большелут Корткеросского р-на от Лидии Михайловны Габовой, 1927 г. р. (ПМА).
- ²⁰ Зап. А. Н. Рассыхаев 20.12.2013 в г. Сыктывкар от Лодыгиной Виктории Сергеевны, 1995 г. р., уроженки с. Керчомья Усть-Куломского р-на (ПМА).
- ²¹ Зап. Ю. Г. Рочев в июне 1977 г. в с. Аныб Усть-Куломского р-на от А. Д. Панюковой, 1894 г. р. (НА Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 218 а. Л. 308. № 145).

Литература

- Белоусов, Александр 1989. *Детский фольклор. Лекция для студентов-заочников*. Таллинн.
- Каплин, Леонид 1898. *Описание обычаев и нравов народа коми (села Деревянск на реке Вычегде Усть-Сысольского у.)*. – Вологодский государственный архив. Ф. 883. Оп. 1. Д. 182. 32 л. Цит. по: Несанелис, Дмитрий 1999. *Детские игры*. – Этнографическая электронная энциклопедия «Традиционная культура народов Европейского Северо-Востока России»; <http://www.komi.com/FOLK/КОМИ/138.htm>.
- Лобанова, Людмила & Низовцева, Светлана & Рассыхаев, Алексей 2011. *Отчёт о полевых исследованиях фольклорных экспедиций в пос. Нючпас Койгородского района и пос. Нювчим Сыктывдинского района Республики Коми в 2011 году*. Сыктывкар, 2014. – Научный архив Коми НЦ: Ф. 5. Оп. 2. Д. 804. 92 л.
- Несанелис, Дмитрий 1989. Старинная игра детей коми «гёрд гача»: опыт семантического анализа. – *Генезис и эволюция традиционной культуры коми*. Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Вып. 43. Сыктывкар, 80–89.
- Несанелис, Дмитрий 1994. *Раскачаем мы ходкую качель. Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (Вторая пол. XIX – первая треть XX вв.)*. Сыктывкар, 168.
- Новицкая, Марина & Райкова, Ирина 2002. Детский фольклор и мир детства. – Новицкая, Марина & Райкова, Ирина (сост., вступ. статья, подгот. текстов, коммент.). *Детский фольклор*. Библиотека русского фольклора. Т. 13. Москва: Русская книга, 5–53.
- Образцы 1971 = Сорвачёва, Валентина & Жилина, Татьяна (сост.). *Образцы коми-зырянской речи*. Сыктывкар.
- Рассыхаев, Алексей 2014. *Детский игровой фольклор коми: жанровый аспект*. Сыктывкар.
- Рочев, Юрий 1972. *Детский фольклор коми: Дисс. на соискание учёной степени к. филол. н.* – НА Коми НЦ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 129. 182 л.
- Рочев, Юрий 1979. Детский фольклор коми. – *История коми литературы*. Т. 1. Сыктывкар, 195–224.

- Рочев, Юрий 1985. Традиционные представления коми об орте и их трансформация в современности. – *Традиция и современность в культуре сельского населения Коми АССР*. Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала Академии наук СССР. Вып. 37. Сыктывкар, 57–70.
- Семёнов, Виктор 1991. *Традиционная духовная культура коми-зырян: Ритуал и символ*: Учебное пособие. Сыктывкар.
- ССКЗД 1961 = Жилина, Татьяна & Сахарова, Марфа & Сорвачёва, Валентина (сост.). *Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов*. Сыктывкар.
- ЭД 1999 = Панюков, Анатолий & Савельева, Галина (сост.). *Традиционная культура коми: Этнография детства. Материалы фольклорно-этнографических экспедиций 1995–1998 гг.* Сыктывкар.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА КОМИ: исследования и материалы

<http://www.folklore.ee/ri/pubte/ee/sator/sator17/>

ISSN 1736-0323

ISBN 978-9949-586-24-0

DOI: 10.7592/Sator.2016.17

Тарту 2016

Авторы: Ирина Ильина, Юлия Крашенинникова,
Павел Лимеров, Людмила Лобанова,
Светлана Низовцева, Алексей Рассыхаев,
Анатолий Панюков, Галина Савельева,
Олег Уляшев

Редактор серии: Маре Кыйва

Редакторы-составители выпуска: Людмила Лобанова
& Николай Кузнецов

Оформление обложки: Анатолий Панюков
& Андрес Куперьянов

Верстка & HTML: Диана Кахре

Печатное издание: ФОЛЬКЛОРИСТИКА КОМИ:
исследования и материалы. *SATOR* 17. Тарту 2016

Составление, техническое оформление и печать книги осуществлены при поддержке Эстонского институционального исследовательского гранта 22-5 (Религиозные и нарративные аспекты фольклора).

Оформление электронного издания осуществлено при поддержке проекта ЕККМ14-344 “Расширение областей применения и представление эстонского языка, культуры и фольклора в электронных информационных средствах”.

© ЕКМ Teaduskirjastus / Научное издательство ЭЛМ

© Авторы

© Анатолий Панюков & Андрес Куперьянов